

ГЛАВА I. Земля и матримониальные стратегии

“ Владелец майората, сын-первенец, принадлежит земле. Она его наследует.

К. Маркс. К критике политической экономии.

Если большинство аналитиков характеризовало систему наследования беарнцев как «полное право старшинства», согласно которому предпочтение могло отдаваться как девочкам, так и мальчикам, то потому, что шоры юридической культуры склоняют их воспринимать право женщин не только на часть наследства, но и на статус наследника, как отличительную черту этой системы [1]. На деле такое нарушение принципа мужского первенства, главного инструмента защиты интересов рода или, что одно и то же, его состояния, представляло собой самую крайнюю меру в деле защиты рода и наследства [2]. Только лишь в форс-мажорной ситуации, то есть в случае полного отсутствия наследника мужского пола, необходимость любой ценой сохранить наследство рода может привести к отчаянному решению доверить женщине ответственность за передачу состояния, этой основы продления рода (известно, что статус наследника достаётся не первенцу, но первому мальчику, даже если он рождается последним). Брак каждого из детей, старшего или младшего, мальчика или девочки, ставит перед семьёй особую проблему, которую она может решить, лишь используя все возможности, предоставляемые традициями наследования и брака, чтобы обеспечить сохранение состояния. Все средства хороши для выполнения этой высшей функции, и для того, чтобы доверить женщинам сохранение состояния, приходится иногда прибегать к стратегиям, которые таксономии антропологического юридического буквализма сочли бы несоответствующими, либо же нарушать «принцип главенства рода», столь дорогой для Фортсу. С этой же целью предпринимаются попытки минимизировать или снять, пусть даже с помощью юридических уловок, отрицательные последствия переуступки прав собственности, неизбежные при билатеральном режиме наследования. Либо, что происходит чаще, объективно вписанные в генеалогическое древо связи подвергаются всевозможным манипуляциям, необходимым для оправдания *ex ante* или *ex post* сближений или альянсов, в наибольшей мере отвечающих интересам рода, то есть сохранению или увеличению его материального или символического капитала.

Если допустить, что для семьи брак каждого из детей аналогичен ходу в карточной партии, то можно увидеть, что ценность этого хода (меняющаяся в соответствии с критериями

системы) зависит как от качества игры в обоих смыслах, то есть от расклада, как совокупности полученных карт, чья сила определяется правилами игры, так и от более или менее умелых приёмов их использования. Иными словами, матримониальные стратегии всегда нацелены — во всяком случае в наиболее обеспеченных семьях — на «блестящую партию», то есть на максимизацию экономических и символических выгод, ожидаемых от установления новых связей. Матримониальные стратегии управляются каждый раз по-разному, в зависимости от ценности материального и символического состояния, которое может быть вовлечено в сделку, и от способа его передачи, определяющего системы интересов различных претендентов на владение состоянием, наделяя их различными правами в зависимости от пола и старшинства. Короче говоря, способы наследования определяют специфические, зависящие от пола и порядка рождения матримониальные возможности, которые род предоставляет потомкам одной и той же семьи в зависимости от её социальной позиции, определяемой в основном, но не исключительно, величиной её экономического состояния.

Если первой и непосредственной функцией матримониальной стратегии является добывание средств для воспроизводства рода, а следовательно, для воспроизводства рабочей силы, то она также должна обеспечивать поддержание целостности наследства, причём в таком экономическом универсуме, где деньги являются редкостью. Поскольку часть традиционно наследуемого состояния и компенсация, получаемая в момент брака, представляют такого рода случай, то стоимость *adot* от *adouta*, передать в дар, дать приданое) определяется ценой собственности. В свою очередь размер *adot* диктует матримониальные амбиции его держателя точно так же, как требуемый семьёй будущего супруга *adot* зависит от величины её собственного благосостояния. Из этого следует, что через посредство *adot* экономика управляет матримониальными обмена, поскольку заключаются браки в основном между семьями с одинаковым экономическим положением.

Оппозиция, выделяющая в массе крестьян её «аристократию», различает не только материальный, но и социальный её капитал, который измеряется совокупной ценностью родственников по обеим линиям и на протяжении многих поколений [3], стилем жизни, который должен демонстрировать уважение ценностей чести и достоинства, социальным вниманием, которым она окружена. Именно эта оппозиция приводит к невозможности (правовой) некоторых браков, которые рассматриваются как мезальянс. Статус больших семей никогда не бывает ни полностью зависим, ни полностью независим от их экономической базы: в отказе от «неравного брака» всегда присутствует экономический интерес, и «маленькая семья» может из кожи лезть вон, но так и не выдать замуж ни одной из своих дочерей за старшего сына из «большой семьи», в то время как этот последний может отвергнуть и более экономически выгодный брак и жениться согласно своему положению. Однако степень допустимого разнообразия остаётся всегда ограниченной, и за определённой гранью экономические различия реально препятствуют заключению союзов. Одним словом, имущественное неравенство стремится определять отдельные точки сегментации поля возможных партнёров, которые объективно предназначены каждому индивиду, исходя из позиции его семьи в социальной иерархии.

Юридический дискурс, к которому охотно прибегают информаторы для того, чтобы описать идеальную норму или осмыслить отдельный случай, толкуемый или переосмысляемый

нотариусом, сводит к формальным правилам сложные и хрупкие стратегии семей, единственно компетентных (в двойном смысле этого слова) в этой области. Каждый младший или младшая имеет право на определённую часть состояния, *adot*, который — поскольку его обычно дают в момент заключения брака и почти всегда в виде наличных денег, чтобы избежать дробления владений, и крайне редко в виде земельного надела — часто ошибочно принимают за приданое, хотя на самом деле он является не чем иным, как компенсацией, назначаемой младшим в обмен на их отказ от земли. Если в семье имеется лишь двое детей, доля младшего составляет треть стоимости земельной собственности. В других случаях, поскольку четвёртая часть стоимости собственности исключается из раздела и сохраняется за старшим, каждый из младших получает часть, равную стоимости остальной собственности, поделённой на число детей (таким образом, старший получает четвёртую часть и ещё одну долю, наравне со всеми) [4].

Раздел — это всегда крайняя мера. Чрезвычайная редкость наличных денег (что, по крайней мере, частично связано с тем фактом, что богатство и социальный статус прежде измерялся размером владений) приводит к тому, что, вопреки обычаю поэтапной выплаты в течение многих лет вплоть до смерти родителей, компенсация иногда оказывается невозможной. В этом случае приходится прибегать к разделу в момент заключения брака одного из младших детей или в случае смерти родителей с тем, чтобы выплатить *adot* или выделить долю младшим в земельной форме, но с надеждой восстановить когда-нибудь единство владений, собрав необходимые деньги для выкупа проданных земель [5].

В исследовании не предполагалось проведение систематического опроса с целью определить частоту разделов в течение некоторого периода, однако представляется, что такие примеры редки, если не исключительны, и их тщательно хранит коллективная память. Так, рассказывают, что около 1930 года поместье и дом Во (большой двухэтажный дом, *adus soulus*) были поделены между наследниками, которые не смогли договориться полюбовно, «и с тех пор все поместье перерыто рвами и каналами». «Из-за разделов двум или трём семьям иногда приходилось жить в одном и том же доме, где каждое семейство имеет свой угол, а также свою часть земли. В этом случае гостиная комната с камином всегда принадлежала старшему. Таковы случаи поместий Hi, Qi, Di. В поместье An есть куски земли, которые никогда так и не были возвращены. Некоторые были выкуплены впоследствии, но не все. Раздел создавал огромные трудности. Так, поместье Qi было разделено между тремя детьми таким образом, что один из младших должен был объезжать целый район, чтобы его лошади могли попасть на поле, которое было передано ему во владение» (р. L.)

Но семейные владения были бы слишком слабо защищены, если бы формула, определяющая стоимость *adot*, и тем самым брака, навязывалась с жёсткостью юридической нормы и если бы не были известны другие способы избежать раздела, единодушно почитаемого бедствием. Именно родители, как говорится, «делают старшего», и неслучайно информаторы сообщают, что раньше отец был волен определять по своему желанию размеры компенсации, передаваемой младшим детям, поскольку они не были зафиксированы никакой нормой. Во всяком случае, факт того, что в некоторых семьях дети и, в частности, молодожёны до смерти «стариков» не имели доступа к какой бы то ни было информации и тем более к контролю над финансами семьи (поскольку данные о всех

важных сделках, как, например, продажа скота, поручавшиеся старой хозяйке дома, «запирались» в шкафу), заставляет сомневаться в том, что юридические нормы неукоснительно соблюдались. Помимо случаев, о которых обязаны знать юристы и нотариусы, существование так называемых «патологических» случаев, тех, что порождены неверием в справедливое юридическое решение и все предусматривают контрактами, весьма редко встречаются в статистике [6]. Действительно, глава семьи всегда был достаточно свободен в игре с «правилами» (начиная с норм Гражданского кодекса) для того, чтобы покровительствовать более или менее тайно кому-нибудь из своих детей с помощью подарков в виде наличных денег или фиктивной продажи. Крайне наивно было бы понимать буквально слово «раздел», которое часто употребляется для обозначения семейных «сделок», имеющих противоположную цель — избежать раздела собственности. Таков, например, смысл «установления наследника», осуществляемого чаще всего при взаимном согласии в момент заключения брака одного из детей, а иногда в форме завещания (так поступали многие в 1914 году перед отправкой на фронт). После оценки собственности глава семьи определял права каждого, права наследника, который мог не быть самым старшим из детей, и права младших, которые добровольно соглашались с более выгодными условиями для наследника, чем те, которые были предусмотрены Кодексом или даже обычаем и которые — если причиной этой процедуры было вступление в брак — получали компенсацию. На аналогичную компенсацию могли рассчитывать и остальные дети либо к моменту их вступления в брак, либо в случае смерти родителей.

В интересах состояния глава семьи мог пренебречь традицией, согласно которой титул наследника обычно присуждался первому из рождённых сыновей. Это происходило в тех случаях, когда, например, старший сын оказывался недостойным такого положения или появлялись очевидные преимущества назначения наследником другого сына (например, если женитьба младшего сына способствовала объединению двух соседних имений). Отец обладал таким высоким и общепризнанным авторитетом, что, по обычаю, наследник мог лишь подчиниться решению, продиктованному заботой обеспечить существование клана и его лучшее будущее. Старший сын автоматически лишался своего титула, если уходил из дому, поскольку наследником всегда оказывался, как это стало совершенно очевидно сегодня, тот из детей, кто оставался на земле.

Можно было бы умножать примеры ненормативных сделок или соглашений, регулируемых пресловутым наследственным правом, но возникает опасность попасть в ловушку юридического буквализма. Если «исключение» вовсе необязательно «подтверждает правило», то оно как таковое стремится, во всяком случае, оправдать существование правила. Действительно, все средства хороши, чтобы защитить целостность состояния и избежать возможного раздела владений и семьи, опасность которого возрастает с каждым следующим браком.

Существует целая совокупность правил, которые с помощью *adot* стремятся исключать браки между чересчур неравными семьями. Таковы принципы своего рода скрытого расчёта оптимального варианта увеличения материальной и символической прибыли, обеспечиваемой матримониальной сделкой в границах экономической независимости семьи. Эти принципы комбинируются с другими, согласно которым при определении матримониальных стратегий главная роль отводится мужчинам, а первенство — старшим.

Верховенство мужчин над женщинами приводит к тому, что даже в тех редких случаях, когда права собственности передаются через женщин, когда семья («дом») — эта монополярная группа, определяемая через присвоение определённого объёма благ, — условно отождествляется с совокупностью обладателей правами собственности на состояние, независимо от их пола, — всё же присвоение женщине статуса наследницы является самым крайним выходом, к которому прибегают только при отсутствии наследника мужского пола. Наличие даже одного мальчика обрекает девочек на статус младших, независимо от порядка их рождения. Это связано с тем, что, как известно, статус «хозяина дома» (сартмаусоуе), хранителя и гаранта имени, престижа и интересов группы, включает в себя не только права на собственность, но и чисто политическое право господствовать в группе и в особенности представлять семью и вовлекать её в отношения с другими группами [7]. Согласно логике этой системы такое право предоставляется только мужчине: либо старшему по мужской линии, либо — при отсутствии такового — мужу наследницы, который становится наследником через свою жену. В последнем случае наследнику по жене приходится иногда отречься от своего собственного имени в пользу семьи, которая его присваивает, доверяя мужу наследницы своё состояние [8].

Второй принцип — верховенство старшего над младшими — ведёт к тому, что состояние становится настоящим субъектом экономических и политических решений семьи. Отождествляя интересы назначенного главы семьи с интересами семейного достояния, можно вернее определить его идентификацию с наследством, чем с помощью любой открыто сформулированной нормы. Утвердить неделимость власти над землёй, предоставляемой старшему из детей, — значит утвердить неделимость земли и назначить старшего её защитником и гарантом. (Доказательством того, что «право старшинства» есть лишь преобразованное утверждение прав наследства над старшим, служит оппозиция между старшими и младшими, которая верна для состоятельных семей, но утрачивает значение в случае бедных семей мелких собственников, сельскохозяйственных или надомных рабочих. «Когда есть нечего, то нет ни старшего, ни младшего», — говорит один информатор.) Произвольность акта, которым назначается на наследство старший из детей, закрепляет социальное различие за различием биологическим, часто отмеченным некими внешними, кажущимися естественными признаками. Например, рост не воспринимается как акт произвола. Складывается впечатление, что сама природа через принцип старшинства с самого начала назначает того, кто принадлежит земле и кому принадлежит земля. Институциональное различие стремится обернуться, за редким исключением, природным различием, в силу того что группа обладает властью наделять объективным и, следовательно, субъективным отличием тех, к кому она относится по-разному: старших и младших, мужчин и женщин, дворян и простолюдинов. Назначение наследника, как всякий институциональный акт, следует логике магического и своё полное воплощение обретает лишь благодаря инкорпорации. Если, как говорит Маркс, собственность присваивает себе своего владельца, если земля наследует того, кто её наследует, то это потому, что наследник, старший, есть земля (или предприятие), ставшая человеком, ставшая телом, воплотившаяся в виде структуры, порождающей практики, в соответствии с фундаментальным императивом сохранения целостности наследного владения.

Привилегии старшего, являясь простым генеалогическим переводом абсолютного приоритета сохранения целостности состояния, а также преимущества, признаваемые за

представителями рода мужского пола, благоприятствуют строгой гомогамии, запрещая мужчинам «браки с повышением», которые могли бы быть инспирированы поисками максимизации материального и символического дохода. Старший не может взять жену с более высоким положением не столько из-за опасения, что когда-нибудь придётся возвращать *adot*, сколько, и в основном, потому, что это может ослабить его позицию в структуре отношений семейной власти. Старший не может жениться и слишком «низко», поскольку мезальянс может его обесчестить и лишить возможности обеспечить приданое младшим. Младший ещё более, чем старший, вынужден избегать всякой угрозы материальных и символических потерь, связанных с мезальянсом. Он не может позволить себе брак, слишком превышающий его статус, ибо рискует оказаться в униженном и подчинённом положении [9].

Несмотря на то, что семья и вся группа, особенно в больших кланах, прилагают постоянные усилия по разъяснению и внушению старшему его преимуществ и обязанностей, связанных с его положением, идентификация наследника с состоянием не обходится без конфликтов и драм. Она не исключает ни противоречий между диспозициями и структурами, которые могут переживаться как конфликты между долгом и чувством, ни тем более уловок, с помощью которых можно соблюсти индивидуальные интересы, не нарушая социальных приличий. Так, родители, которые в другой ситуации могли бы сами нарушить обычай, потакавая своим слабостям (позволив, например, своему любимцу скопить небольшие сбережения [10]), считают своей обязанностью запрещать мезальянсы и настаивают на брачных союзах, которые, быть может, даже вопреки их собственным чувствам, наилучшим образом сохраняют социальную структуру, защищая позицию рода в этой структуре. Одним словом, они требуют от старшего выкупа за его привилегии, подчиняя его собственные интересы интересам рода: «Я видел, как из-за 100 франков отказались от женитьбы. Сын хотел жениться. «А как ты будешь платить младшим? Если ты хочешь женишься на такой-то), лучше уходи!» В семье Tr. было пять младших дочерей. Старшему сыну родители создавали благополучную жизнь. Ему всегда доставался хороший кусок мяса и всё остальное. Мать часто баловала старшего до момента, пока не зашла речь о браке... Младшим дочерям — ни куска мяса, ничего. Когда наступил момент женить сына, три младшие сёстры были уже замужем. Парень любил девушку, у которой не было ни су. Отец ему сказал: «Ты хочешь жениться? Я заплатил за трёх дочерей, нужно, чтобы ты заплатил за двух других. Женщина не для того создана, чтобы красоваться (то есть чтобы выставляться напоказ). У неё ничего нет, что она тебе принесёт?» Юноша женился на девушке E. и получил в приданое 5 тысяч франков. Женитьба не удалась. Он начал пить и совсем опустился. Он умер, не оставив 10 детей» [11]. Тот, кто хочет жениться против воли родителей, не имеет иного выхода, кроме как покинуть дом, рискуя лишиться прав наследника в пользу других братьев или сестёр. Старший сын в большой семье, вынужденный быть на высоте своего положения, менее всех других может позволить себе прибегнуть к этому крайнему средству: «Старший сын в семье Vo уйти не мог. Он первым в деревне стал носить пиджак. Это был важный человек, муниципальный советник. Он не мог уйти. И потом он не умел зарабатывать себе на жизнь. Он слишком заважничал». Более того, пока были живы родители, права наследника на состояние оставались весьма условными вплоть до того, что он не всегда имел средства на поддержание своего положения и обладал меньшей свободой, чем младшие или старшие более низкого статуса: «у тебя будет всё (*qi'ai aberas tout*)», — говорили родители, — но до этого момента они

ничего не выпускали из рук». Эта формулировка часто произносится с иронией, поскольку она символизирует произвол и тиранию «стариков» и вскрывает причину напряжения, вызываемого всём способом воспроизводства, который, как в данном случае, обеспечивает непосредственный переход из класса бесправных наследников в класс законных собственников. В действительности речь идёт о том, чтобы получить наследников, которые соглашались на подчинённое положение и на жертвы, вытекающие из затянувшегося положения меньшинства, — все во имя будущего вознаграждения, связанного с майоратом. Родительская власть, которая является основным инструментом продолжения рода, может обернуться против её же легитимной цели, обрекая на безбрачие, как единственный способ противостоять нежелательным бракам старших сыновей, которые не могут ни противиться власти родителей, ни отказаться от своих чувств.

То, что не всегда удаётся с лёгкостью получить от наследника, этого привилегированного агента системы, ещё труднее получить от младших, которые являются жертвами закона земли. Безусловно, не следует забывать (как это случается в процессе формализации матримониальных стратегий), что стратегии деторождения могут помочь преодолеть эту трудность, сводя её на нет, если по биологической случайности первым родится сын, и наследование можно доверить единственному ребёнку. Отсюда вытекает фундаментальная важность биологической случайности, от которой зависит, будет ли первенец мальчиком или девочкой. Если в первом случае можно этим ограничиться, то во втором — нет. Появление на свет девочки никогда не вызывает особенного энтузиазма (поговорка говорит: «Когда рождается девочка, в доме рушится одна несущая балка»), поскольку это означает, что ставка была сделана не на ту карту, хотя девочка, перемещаясь снизу вверх, может игнорировать социальные барьеры, которые навязываются мальчику, и может, фактически и юридически, выходя замуж, подняться выше своего положения. Наследница — что означает единственная дочь (случай крайне редкий, ибо семья всегда надеется дождаться «наследника»), или старшая из двух или нескольких сестёр — обеспечивает сохранность и передачу состояния ценой угрозы единству рода. Так, в случае её брака со старшим «дом» как бы присваивается другим домом, в случае же брака с младшим власть в доме по крайней мере после смерти родителей) должна будет перейти к чужому. Что касается младшей, то её можно только выдать замуж, то есть обеспечить приданым, поскольку нельзя допустить ни того, чтобы она, как сын, слишком далеко уезжала из дома, ни того, чтобы она оставалась в нём незамужней — потому что стоимость её рабочей силы не окупает расходов на неё [12].

Теперь обратимся к случаю, когда среди детей есть по крайней мере один мальчик. Наследник может быть единственным ребёнком, если же он не единственный, то в этом случае он может иметь одного брата (или нескольких), или одну сестру (или нескольких), или одного брата и одну сестру (или нескольких братьев и/или сестёр в разном соотношении). Каждая из этих комбинаций, которая даёт сама по себе весьма неравные шансы на успех при одинаковых стратегиях, допускает разные стратегии, в разной степени простые и неодинаково рентабельные. Если наследник является единственным сыном [13], то единственная цель матримониальной стратегии заключается в получении — в случае женитьбы на богатой младшей — максимально большого *adot*. Такой *adot* представлял бы собой денежный доход без всяких расходов, если бы поиски максимизации материальной и символической прибыли, ожидаемой от брака, даже с помощью обмана (всегда

рискованного в мире, где почти все знакомы друг с другом), не сопровождалась бы экономическим и политическим риском, содержащимся в диспропорциональном браке, или, как говорится, браке «снизу вверх». Экономический риск заключается в возврате приданого (*tournadot*), которое может быть востребовано в случае, если муж или жена умирают до рождения ребёнка, и этот риск вызывал опасения неизмеримо большие, чем сама вероятность такого риска. Предположим, что мужчина женится на девушке из богатой семьи. Она ему приносит 20 тысяч франков приданого. Его родители говорят: «Ты берёшь 20 тысяч франков и думаешь, что сделал выгодное дело. На самом деле ты попадёшь в ловушку. Ты получишь приданое по контракту. Часть ты потратишь. С тобой что-нибудь случится. Как ты будешь возвращать, если будет нужно? Ты не сможешь». Обычно *adot* старались не трогать [14]. Риск, который можно назвать политическим, безусловно, более непосредственно принимается в расчёт в стратегиях, поскольку он затрагивает один из основополагающих принципов всех практик: асимметрию. Нарушение симметрии, которое культурная традиция установила в пользу мужчин и благодаря которой брак оценивается с мужской точки зрения под «браком с понижением» всегда подразумевается женитьбы мужчины высшего статуса на женщине более низкого статуса), приводит к тому, что помимо экономических барьеров нет ничего, что препятствовало бы браку старшей дочери из маленькой семьи с младшим сыном из большой семьи, тогда как старший сын из маленькой семьи не может жениться на младшей дочери из большой семьи. Иными словами, между всеми браками, навязанными экономической необходимостью, единственно полноценными союзами признаются такие, где асимметрия, устанавливаемая культурным произволом в пользу мужчины, удваивается асимметрией того же рода между экономическим и социальным положением супругов. Чем более высока стоимость *adot*, тем более прочной становится продвинутой позиции супруга. Несмотря на то, что, как мы видели, семейная власть относительно независима от власти экономической, стоимость *adot* является одним из принципов распределения власти внутри семьи и, в частности, соответствующей власти свекрови и тещи в том структурном конфликте, который их противопоставляет.

Об авторитарной свекрови обычно говорили: «Она не хочет отдавать половник», этот символ власти в доме. Половник — привилегия хозяйки дома: ближе к обеду, пока разогревается еда, свекровь раскладывает хлеб, овощи, наливает похлёбку в супницу; когда все усаживаются, она ставит супницу на стол, размешивает суп половником и затем передаёт его главе семьи (деду, отцу или дяде), который накладывает себе еду первым. В это время невестка занята чем-нибудь другим. Чтобы поставить невестку на место, мать говорит: «Я тебе ещё не давала половника». В результате, мать как хозяйка дома, которая в других случаях могла использовать все средства, имеющиеся в её распоряжении, чтобы воспрепятствовать «браку с понижением», станет первой же сопротивляться женитьбе сына на женщине слишком высокого положения (относительно), понимая, что ей легче будет подчинить себе девушку низкого происхождения, чем невестку из большой семьи, о которых говорят, что они «входят как хозяйки дома (*daune*)» в свою новую семью (ссылка на первоначальный взнос является самым веским аргументом в ситуациях кризиса домашней власти, когда открывается «экономическая» правда, обычно скрываемая: «Всем известно, сколько ты принесла!» Дисбаланс сил иногда бывает так велик, что только после смерти свекрови о молодой невестке можно сказать: «Теперь она *daune*»). Самая большая опасность нарушения симметрии возникает в случае, когда наследник женится на младшей дочери из многодетной семьи. Поскольку существует приблизительное соответствие (о чём

свидетельствует двойной смысл слова adot) между adot, выделяемом при замужестве, и состоянием и, следовательно, при всех прочих равных, между состояниями, которые могут быть объединены, adot девушки из богатой, но многодетной семьи может оказаться не больше adot единственной младшей дочери из семьи среднего достатка. Внешнее равновесие, которое как будто устанавливается между ценностью внесённого adot и ценностью состояния семьи, может скрывать разногласие, порождающее конфликты, поскольку власть и претензии на власть зависят в равной степени как от материального и символического капитала родительской семьи, так и от стоимости приданого. Так, мать, защищая свои интересы хозяйки дома, то есть свою власть, объём которой, в свою очередь, зависит от её первоначального взноса (вот почему в каждом браке заключается вся матримониальная история рода), лишь защищает интересы рода от внешних посягательств. Действительно, брак «с повышением» угрожает превосходству, которое группа признает за особями мужского пола как в социальной жизни, так и в труде и в делах семьи [15].

Брак наследника и старшей дочери с особой остротой ставит вопрос о политической власти в семье, особенно когда соотношение нарушается в пользу наследницы. За исключением случая, когда объединяются два соседа и две собственности, этот тип брака помещает супругов в промежуточное положение между двумя домами, а то и создаёт ситуацию, когда они просто-напросто разъезжаются по своим домам. Отсюда всеобщее осуждение такого брака: «Тг женился на Да. Он без конца ездит от одного имения к другому, он всё время в дороге, он то тут, то там и никогда не бывает дома. Нужно, чтобы хозяин всё-таки был дома». В открытом или скрытом споре о доме борьба идёт в основном за доминирование одного рода над другим, об исчезновении одного из двух «домов» и того имени, которое ему было присвоено. (Показательно, что во всех рассмотренных случаях владения, объединившиеся в какой-то момент, в дальнейшем, часто уже в следующем поколении, разъединяются, поскольку каждый из детей получал одно из владений в качестве наследства.)

Возможно потому, что вопрос об экономических основаниях домашней власти в беарнском обществе ставится в более реалистичной манере, чем в любом другом обществе (рассказывают, что во время венчания жених, чтобы утвердить свою власть в семье, должен был наступить на платье невесты, а невеста должна была согнуть палец так, чтобы жених не мог до конца надеть на него обручальное кольцо), или же потому, что представления и стратегии здесь ближе к объективной истине, но всё это даёт основания предположить, что социология семьи, так часто обращающаяся к добрым чувствам, представляет собой лишь особый случай политической социологии. Позиции супругов в расстановке сил в семье, а также их шансы на успех в конкурентной борьбе за власть в доме, то есть за монополию легитимного господства в домашнем хозяйстве, никогда не бывают независимы от материального и символического капитала (чья природа может меняться согласно эпохе и обществу), имеющегося в наличии у супругов или принесённого в семью.

Однако единственный наследник встречается всё-таки довольно редко. Во всех прочих случаях стоимость adot, который может быть предоставлен младшим, в значительной мере зависит от брака старшего, от этого же, соответственно, зависят и браки, которые в будущем смогут заключить младшие, а также сама возможность их брака. В этом случае успешная стратегия заключается в том, чтобы получить от семьи невесты такой adot,

который позволил бы заплатить за младших братьев и сестёр, не прибегая к разделу или закладу собственности и не опасаясь при этом возможного возврата слишком большого adot. Кстати, можно заметить, что вопреки антропологической традиции, согласно которой всякий брак есть самостоятельная структура, каждая матримониальная сделка может быть понята только как момент в ряду матримониальных и символических обменов, поскольку экономический и символический капитал, который семья может вложить при заключении брака в одного из своих детей, в большой мере зависит от ранга, занимаемого этим обменом в совокупности браков детей данной семьи, а также от общего итога этих обменов. Это можно наблюдать, когда первый женившийся сын поглощает все ресурсы семьи или когда младшая дочь выходит замуж раньше старшей, что затрудняет выход старшей на матримониальный рынок, поскольку её начинают подозревать в каком-то скрытом изъяне (в таком случае об отце говорили, что «он запряг молодую тёлку раньше старшей»). Вопреки видимости, ситуация бывает очень разной в зависимости от того, есть ли у старшего сестра (сестры) или брат (братья). Если — как, не сговариваясь, отмечают все информаторы — adot для дочерей почти всегда бывает больше, чем adot для мальчиков, что повышает шансы девочек на замужество, то это означает, что существует единственный выход: выдать замуж эти лишние рты, и как можно скорее. У младших детей больше свободы. Прежде всего, изобилие и даже избыток рабочей силы, складывающийся в семье благодаря им, вызывает потребность в земле, удовлетворить которую можно лишь с помощью наследства. В результате семья не столько торопится женить младшего сына (а в больших семьях, возможно, первого младшего), сколько выдать замуж младшую или даже старшую дочь. Самый нормальный случай, наиболее отвечающий интересам семьи и даже рода, — женитьба сына на наследнице. Если его жена принадлежит к семье того же положения (самый частый случай), короче, если он приносит хороший adot и если он может утвердиться благодаря своей производственной и репродуктивной активности (пословица говорит об этом с особой силой реализма: «Если это каплун, мы его съедим, если это петух, мы его сохраним»), то все будут его почитать и относиться к нему как к настоящему хозяину. В противном случае — то есть если сын женится «с повышением» — он должен всем пожертвовать в пользу новой семьи: и своим adot, и своим трудом, и иногда своим именем (так, Жан Казенав становится Yan dou Tinou, то есть Жан из дома Тину) вследствие категорически осуждаемого нарушения принципа мужского первенства, крайним выражением чего является брак слуги с хозяйкой. Учитывая то, что, с одной стороны, все стараются избежать брака с младшей, именуемого «бесплодным» (esterlou), или «браком голода с жаждой» (избежать которого самые бедные могут, только превращаясь для своих жён в своего рода «слуг с пансионом»), а с другой стороны, возможность создать семью, оставаясь в отцовском доме, остаётся привилегией старшего, то младшим, не имеющим возможности жениться на наследнице из-за их adot, иногда увеличенного с помощью тщательно собираемых небольших сбережений (lou sabau), не оставалось иного выбора, кроме как переехать в город или уехать в Америку в расчёте на какую-нибудь работу и место, или же остаться холостяком, на положении слуги в своей собственной или чужой (для самых бедных) семье.

Мало сказать, что младших сыновей никто не торопился женить: это откладывали на потом, а в мире матримониального дирижизма такого невмешательства достаточно, чтобы их шансы на вступление в брак снижались очень существенно. Дело доходило до того, что получение adot ставилось в зависимость от выполнения определённых условий.

Требовалось, например, чтобы младший определённое число лет проработал у своего старшего брата или чтобы он заключил с ним настоящий рабочий контракт, можно было также просто пообещать увеличить его долю в наследстве. Однако для младшего сына существовало ещё множество других способов остаться холостяком, начиная с несостоявшегося брака и заканчивая незаметным привыканием к тому, что «уже возраст прошёл»⁶, при сознательной или бессознательной поддержке семьи, настроенной на то, чтобы — пусть на время — удержать при себе такого «бесплатного слугу». Таким образом, разными путями, как те, кто покидал родной дом, перебираясь на заработки в город или в Америку, так и те, кто, оставаясь дома и отдавая свою рабочую силу, сокращал хозяйственные расходы и не посягал при этом на собственность, способствовали сохранению наследства. (Младший, в принципе, имел право пожизненного пользования своей долей, но если он умирал неженатым, она возвращалась наследнику.)

Таким образом, младший является, если можно так выразиться, структурной жертвой, то есть социально назначенной и, следовательно, смилившейся жертвой системы, которая мощной защитой окружает «дом», эту коллективную сущность и экономическую целостность, коллективную сущность, определяемую её экономической целостностью. Внушённая с раннего детства приверженность традиционным ценностям и привычному разделению обязанностей и власти между братьями, привязанность к дому, к земле, к семье и особенно, быть может, к детям старшего брата, склоняет некоторых младших к такой жизни, которая, согласно откровенно функционалистской формуле Ле Пле, «приносит и покой холостяцкой жизни, и семейные радости». Оттого что всё склоняет их к инвестициям и даже сверхинвестициям в семью и наследство, которые они имеют все основания считать своими, эти младшие «домоседы» представляют собой (с точки зрения «дома», то есть системы) своего рода абсолютный идеал слуги. Такой слуга часто воспринимается как «член семьи», он считает, что его личная жизнь принадлежит или является приложением к семейной жизни его хозяина, он сознательно или несознательно подталкивается к тому, чтобы инвестировать существенную часть своего времени и своих личных привязанностей в семью, заменившую ему его собственную, и в частности в детей, и часто платит отказом от брака за экономическую и эмоциональную безопасность, обеспеченную ему благодаря участию в жизни семьи. Рассказывают, что иногда, в случае, если у старшего не было детей или он умирал, не оставляя потомства, то уже пожилого младшего, оставшегося холостяком, просили жениться, чтобы обеспечить продолжение рода. Женитьба младшего брата на вдове старшего, переходившей ему в наследство (*levitat*), — случай достаточно распространённый, хотя и не является правилом. После войны 1914–1918 годов браки такого типа случались довольно часто: «Так улаживались дела. Как правило, к этому подталкивали родители в интересах семьи, из-за детей. А молодые соглашались. Тут было не до сантиментов» (А. В.).

Скрытые, или, точнее, непризнанные формы эксплуатации и, в частности, формы, которые черпают часть своей эффективности в специфической логике родственных отношений, то есть в опыте и языке долга и чувства, должны изучаться с учётом их сущностной двойственности: беспристрастный взгляд, который решительно сводит эти отношения к их «объективной» истине, не менее ложен, чем взгляд, который, как у Ле Пле, замечает лишь субъективное, то есть мистифицированное представление об отношениях. Незнание «объективной» истины отношений эксплуатации составляет часть полной истины этих

отношений, которые могут осуществляться как таковые лишь в той мере, в какой они не признаются. Это не значит, что экономика обменов между супругами или между предками и потомками, которая воспринимается и выражается лишь через отрицание и сублимацию и потому предназначена служить моделью для всех мягких (патерналистских) форм эксплуатации, может быть редуцирована к теоретической модели «объективного» отношения между держателями средств производства и продавцами рабочей силы. Тем не менее она вынуждает признать, что сама «объективная» истина этого отношения не была бы столь трудной для освоения и внушения, если бы во всех случаях она была истиной субъективного отношения к труду, со всеми формами инвестирования в саму активность, материальным и символическим вознаграждением, которое она обеспечивает, специфическими ставками, связанными с выполнением профессиональной деятельности и с профессиональными отношениями, и даже, во многих случаях, с привязанностью к предприятию или к хозяину.

Понятно, насколько искусственным и попросту поверхностным является вопрос об отношениях между структурами и чувствами: индивиды и даже семьи могут признавать лишь наиболее почитаемые качества, такие как порядочность, здоровье и красота — у девочек, чувство собственного достоинства и трудолюбие — у мальчиков, а в действительности не прекращать опираться на приукрашенные, но более убедительные критерии, а именно ценность наследства и сумму *adot*. Если в большинстве случаев система функционирует на базе критериев, наименее релевантных с точки зрения реальных принципов её действия, то прежде всего потому, что семейное воспитание устанавливает тесную связь между фундаментальными для этой системы критериями и теми характеристиками, которые агенты считают первостепенными. Старший сын в большой семье более, чем другие дети, наделяется качествами, присущими «человеку чести» и «хорошему крестьянину», точно так же «главная наследница» или «хорошая младшая дочка» не имеют права на легкомысленное поведение, допустимое для дочерей из маленькой семьи. Кроме того, первичное воспитание, подкреплённое всеми социальными опытами, стремится внушить такие схемы восприятия и оценки, одним словом, такие вкусы, которые распространяются не только на другие объекты, но и на потенциальных партнёров и — без какого-либо чисто экономического или социального расчёта — склоняют к исключению мезальянса. Ведь любовь, социально одобряемая, то есть предрасполагающая к успеху, есть не что иное, как любовь к собственной социальной судьбе, которая объединяет социально предназначенных друг другу партнёров внешне случайными и произвольными путями свободного выбора. Иногда для того, чтобы подавить индивидуальные чувства, приходится открыто применять авторитет семейной власти, однако такие патологические случаи всегда остаются исключениями. В большинстве случаев норма остаётся невыражаемой, поскольку диспозиции агентов объективно приспособлены к объективным структурам, и эта спонтанная «расчётливость» исключает всякий намёк на расчёт.

Язык анализа и сами рассуждения информаторов, отобранные по причине их особой здравости, спровоцированы часто самим вопросом, а потому не должны вводить в заблуждение. В этом случае, как и во всех других, агенты подчиняются движению чувства и велению долга более, чем расчётам своей выгоды, и даже если они это делают, то соотносятся с экономикой системы принуждений и требований, продуктом которой являются их этические и эмоциональные диспозиции. Непризнаваемая истина экономики

обменов между родителями выражается открыто лишь в моменты кризисов, когда как раз и обнаруживается расчёт, обыкновенно вытесняемый или замещаемый слепым благородством чувства. Эта объективная (или объективистская) истина остаётся частичной, истинной не более и не менее, чем магический опыт обычных обменов. Действия, направленные на преодоление специфического противоречия этой системы (а точнее, исходящей от всякого брака угрозы семейной собственности и через неё — всему роду, по причине того, что причитающаяся младшим компенсация в некотором роде предопределяет дробление наследства, избежать которого стремятся с помощью привилегий, предоставляемых старшему), не являются, как может показаться, если судить по языку, которым они неизбежно описываются, ни процедурами, изобретаемыми юридическим воображением, чтобы обойти правила, ни научно рассчитанными стратегиями на манер «ходов» в фехтовании или в шахматах. Именно потому, что габитус есть продукт структур, которые он стремится воспроизвести, или, вернее, потому, что габитус предполагает «спонтанное» подчинение установленному порядку и приказам хранителей этого порядка, то есть старейшин, он заключает в себе принцип феноменологически очень разных решений, как-то: ограничение рождений детей, эмиграция, безбрачие младших и другие такого рода решения, которые различные агенты — в зависимости от их положения в социальной иерархии, от их ранга в семье, от пола — принимают в практических антиномиях, порождаемых системами требований, не являющихся автоматически совместимыми. Матримониальные стратегии неотделимы от стратегий наследования, стратегий деторождения или даже педагогических стратегий, то есть от совокупности стратегий биологического, культурного и социального воспроизводства, которые всякая группа задействует, чтобы передать следующему поколению в сохранённом или приумноженном виде унаследованные власть и привилегии. В основе этих матримониальных стратегий лежит не дух расчёта, не механистический детерминизм экономической необходимости, а диспозиции, внушённые условиями существования, своего рода социально сконструированный инстинкт, который склоняет переживать как безусловное веление долга или как непреодолимое влечение чувства, поддающиеся объективному расчёту требования особой формы экономики.

Версия #1

Зверобой создал 20 января 2026 23:51:46

Зверобой обновил 20 января 2026 23:52:56